

1191

УДК 801.3

Е. В. Рахилина

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
И VICE VERSA

Дается семантический анализ атрибутивных конструкций вида: качественное прилагательное + предметное имя. Проведенный анализ позволяет выделить семантические свойства имен, необходимые для их лексикографического представления, в частности, в системах автоматического порождения текста.

1. В настоящей статье речь пойдет о качественных прилагательных и особенностях интерпретации сочетаний качественных прилагательных с предметными именами. Эта проблема имеет некоторую лингвистическую историю, я подразумеваю в первую очередь статью З. Вендлера «The Grammar of Goodness» [1], посвященную интерпретации сочетаний имен с чисто оценочными прилагательными типа *good, beautiful, comfortable* и под. Идея З. Вендлера* состояла в том, что в сферу действия таких прилагательных, которые можно было бы рассматривать в качестве специальных операторов, попадает не само зависимое существительное, а некоторый внешний по отношению к нему предикат, ср. [1, с. 534]: «Свойство быть удобным соотносится с вещью лишь через некоторое действие, в котором вещь принимает участие».

В то же время исследования предметных имен как таковых показывают, что предикат, который З. Вендлер считал «внешним» по отношению к предметному имени, на самом деле как раз составляет основу его семантического представления. *Удобный дом* не потому интерпретируется как 'дом, в котором удобно жить', что говорящий в данный момент имеет в виду ситуацию, связанную с предикатом *жить*, а потому, что лексема *дом* описывает некоторое «сооружение, приспособленное для того, чтобы жить в нем», и предикат *жить* всегда имеется в виду, если речь идет о лексеме *дом*. Имеется в виду на более жестком языке семантических описаний — в терминах предикатов и их аргументов — означает, что в толкование подавляющего большинства предметных имен** входит некоторый предикат, обычно описывающий стандартный способ использования соответствующего объекта***. Тем самым в случае, когда речь идет о разного рода синтаксических конструкциях с именем *дом*, их интерпретация достаточно часто опирается на семантику «встроенного» в семантическую структуру имени предиката, ср. здесь посессивные конструкции типа *наш дом* ~ 'дом, в котором мы живем', а также примеры З. Вендлера с оценочными прилагательными — *удобный, хороший* и под.

Между тем, круг прилагательных, которые семантически взаимодействуют с встроенным в имя предика-

том, значительно более широк, чем может показаться читателю статьи о слове *good*. Так, для многих качественных прилагательных* интерпретация сочетания А-ый X может меняться в зависимости от того, каков стандартный способ использования объекта, названного лексемой X. Ср., например, *скрипучий пол* = 'пол, который скрипит, когда по нему ходят' *скрипучая дверь* = 'дверь которая скрипит, когда ее открывают или закрывают'. Ср. также *теплый суп* = 'суп, теплый на вкус', *теплая грелка* = 'грелка, теплая на ощупь', *теплый песок* = 'песок, теплый на ощупь' (не на вкус!), *теплая вода* = 'вода, теплая на вкус или на ощупь' (*Лось жадно пил теплую воду; Из крапа текла чужа теплая вода*)**

2. Рассмотрим некоторые примеры другого рода. Что такое *крепкий* или *прочный*? В самых общих чертах смысл этих прилагательных можно описать как 'устойчивый к деформации', причем *крепкий* — это устойчивый к такой деформации, при которой объект распадается на части***, а *прочный* — к деформации под воздействием веса (силы тяжести). Ср. *крепкая мебель* (= не распадается на части при длительном использовании) VS *прочная мебель* (= выдерживающая большой вес), *крепкий* (*прочный) *орех, прочная* (*Крепкая*) *крыша, прочный* (*Крепкий*) *мост, крепкие* или *прочные* (в особенности, если они служат вешалкам) *роги, крепкая* (*прочная*) *веревка* и под. Между тем, возникает вопрос, почему не говорят *?крепкие чашы, ?крепкая посуда, *прочная грелка, *прочные очки* и мн. др. Оказывается, устойчивость к деформации в

* Термин *качественные прилагательные* обычно понимается морфологически — прилагательные, способные образовывать формы степеней сравнения. Однако семантика этих форм различна для разных семантических групп прилагательных. Так, семантика сочетания *жирный кусок* — 'кусок, содержащий жир' в сущности конверсна по отношению к семантике сочетаний с относительными прилагательными типа *кровяные шарик* — 'шарик, содержащиеся в крови'. Возможность в первом случае степени сравнения (равно как и невозможность во втором) легко объяснима: *жирнее* означает, что увеличилось количество содержащегося жира. Совершенно очевидно, что природа степени сравнения семантически качественных прилагательных типа *глубокий, узкий, острый* иная — она связана

** Степень «функциональной» антропоцентричности (по непосредственно с градуированием признака, в А. Вежбицкой [5]) в такого рода примерах, в частности, в случае с прилагательным *теплый* очень высока. Например, неверно, что все, что едят, оказывается теплым на вкус: таким образом не интерпретируются ни *теплое яблоко*, ни *теплый банан*, ни даже *теплый хлеб*. Важнейшим обстоятельством здесь является то, что все эти съедобные вещи человек, прежде чем пробовать на вкус, берет в руки — именно поэтому «осозательная» интерпретация одерживает верх.

*** Исключения здесь составляют некоторые овощи и человеческое тело, а также некоторые его части, ср. *крепкая свекла, крепкий кочан, крепкие щеки* и др. Ближайшим синонимом для *крепкий* в сочетаниях с именами этой семантической группы будет *упругий*, а не *прочный*, так как способ деформации, характерный для соответствующих объектов, совершенно иной, чем в основной группе.

* Можно было бы назвать и другие имена: сам З. Вендлер ссылается, в частности, на Аристотеля.

** Отвлечемся здесь от немногих исключений из этого слишком общего правила, указанных З. Вендлером — будь то имена животных (*павлин*) или слова типа *человек*, — они не будут являться предметом данного исследования.

*** Ср. здесь систему семантической производности имен от глаголов модели «Смысл ↔ Текст»: имя действия или состояния (S0), имя первого актанта (S1), второго актанта (S2) ... [2, 3]. Существенным преимуществом такого описания является, между прочим, то, что валентности исходного предиката наследуются семантически производным предметным именем — это позволяет адекватным образом интерпретировать синтаксические связи предметных имен; ср., например, [4].

случае с *крепкий* и *прочный* должна быть некоторым постоянным свойством данного объекта, связанным с особенностями его функционирования. Например, орех в некотором смысле предназначен, чтобы его расколоть (и ели). *Крепкий орех* — это тот, который трудно расколоть. Мост предназначен, чтобы по нему ходили и ездили, — тем самым, в процессе своего функционирования он постоянно подвергается воздействию силы тяжести, так сказать, испытывается на прочность. *Прочный мост* — это такой, например, по которому может ездить очень тяжелый транспорт. В принципе, можно сказать *крепкий мост*: мост состоит из каких-то частей, и конструкция его так хороша и надежна, что в процессе функционирования он никогда не распадется на части (ср. *крепкая мебель*), но не *прочный орех*, потому что орех не предназначен для выдерживания физических нагрузок, веса, силы тяжести. То же с часами, очками, посудой или грелкой: все эти предметы, в принципе, могут сломаться, развалиться на части, лопнуть, разбиться — но не в процессе своего функционирования, а вне его, как бы случайно, — и такое повреждение, безусловно, нарушило бы нормальный «жизненный путь» этих объектов. Поэтому, если мы все же хотим осмыслить сочетания типа *прочные очки*, нам придется избрести специальный сильный прагматический контекст, позволяющий сделать это — например, представить себе ситуацию, в которой кто-то ронял очки или бросал об пол тарелки, словом, делал что-то совершенно неподходящее для данного предмета. Естественно, что сами сочетания с *прочный* и *крепкий* будут в этом случае восприниматься как *оказациональные*, стоящие на грани правильности.

Крепкий и *прочный* не представляют исключения — это примеры, иллюстрирующие правило взаимодействия значения качественных прилагательных определенного семантического типа со значением предметной лексемы. Правила семантической интерпретации таких сочетаний связаны с индивидуальными лексическими свойствами соответствующих существительных и прежде всего — с типом предиката, содержащегося в их семантическом представлении (см. выше). В самом общем виде здесь можно было бы говорить об интерпретации адъективного сочетания $A\text{-}i\ X$ [$=A\text{-}i\ X\ P(X)$] ~ ~ 'В процессе функционирования P объект X подвергается некоторого рода воздействию, и обнаруживает свойство A '. Ср. *жесткий, твердый, гибкий* и мн. др. Так, *твердый предмет* — это такой предмет, который в процессе использования трогают, и он оказывает сопротивление; таким образом, *твердый* — это всегда твердый на ощупь: ср. *твердый камень, твердое дно* [=по которому «твердо» ходить], а также *твердое мясо* (например, если оно было заморожено) VS *жесткое мясо* (по отношению к тому, что съедобно, *жесткий*, в отличие от *твердый*, понимается как 'твердый на вкус, а не на ощупь'). При этом нельзя в нормальной ситуации сказать *?твердая стена, ?твердая лампа, ?твердая книга*, так как нормальный способ функционирования этих объектов не включает «проверки на мягкость». В этом отношении интересна пара *мягкая мебель* VS **жесткая мебель*. Если считать *мягкий* квазиантонимом к *твердый* и антонимом к *жесткий*, становится понятно, как интерпретировать сочетание *мягкая мебель* — 'та, на которой мягко сидеть или лежать'. Что касается «жесткой» мебели — шкафов, буфетов, столов и проч., — то у этого класса объектов совершенно другие функции, так что процесс их использования не связан с осязанием.

Совершенно та же картина нарушения симметрии наблюдается в паре *глубокий* — *высокий*. С некоторой точки зрения, эти прилагательные семантически очень близки — одно из них обозначает большие (больше нормы) размеры внешней вертикальной поверхности

объекта, другое — большие размеры (также больше нормы) его внутренней поверхности в том случае, если этот объект — емкость. Тем самым, если емкость имеет еще и некоторую сравнимую с внутренней наружную поверхность, *высокий* и *глубокий* измеряют почти одно и то же, но с разных сторон: извне и изнутри, так что *глубокий контейнер* будет, в нормальной ситуации, также и *высоким*. Между тем, измерение глубины и высоты в языке (по крайней мере, в русском) точно так же подчинено функциональной идее, как и проверка на прочность или мягкость. Поэтому у нас есть *глубокие* (не высокие) *тарелки* — из них вычерпывают ложкой суп, доставая до дна; *высокий* (не глубокий) *стакан* или *бокал* — его держат в руке и пьют, так что внутренняя поверхность его как емкости с функциональной точки зрения несущественна и — как бы не существует. Ср. также *глубокие галюши* (в них вдевают валенки), но *высокие сапоги*, для которых функционально важнее размеры наружной поверхности, защищающей от воды и грязи.

3. Наконец, рассмотрим еще один аспект интерпретации адъективных сочетаний, также связанный со скрытой предикативностью предметного имени. Вернемся к слову *крепкий*. Есть целый класс объектов, которые, вообще говоря, могут в процессе функционирования сломаться, развалиться на части или разрушиться. Речь идет об инструментах и механизмах. Тем не менее, ни один представитель этого класса не может быть определен как *крепкий*: **крепкий молоток, *крзкие грабли, *крепкий трактор, *крепкая машина* и т. д. и т. п. — во всех таких случаях говорят *надежный* или просто *хороший*. Почему? Потому что *крепкий* определяет только те объекты, на которые направлено некоторое воздействие, а не те, которые сами это воздействие осуществляют. Таковы же *прочный, твердый, мягкий, гибкий, упругий, шаткий, горький, сладкий, шершавый, липкий, вязкий, плотный, хрупкий, четкий* и очень многие другие качественные прилагательные. Они, так сказать, *пациентны*, так как общая схема их толкования (см. выше) в конечном счете сводится к условию: 'Если в процессе функционирования на объект воздействовать определенным способом, то он проявит свойство A '. Понятно, что ни один инструмент не вписывается в эту схему толкования (именно за счет ее, так сказать «ролевой» специфики) и это отчетливо видно на приведенных выше примерах со словом *крепкий*. Сказанное имеет одно очень важное лексикографическое следствие — если дело обстоит так, как было описано выше, то это означает, что мы должны располагать не только ролевой классификацией глаголов, но и ролевой классификацией имен — с тем, чтобы иметь возможность строить грамматически правильные сочетания с разными семантическими группами качественных прилагательных.

Легко видеть, что первый класс имен, агентивный, составляют прежде всего инструменты и механизмы* — они являются первыми акантами встроенного в их семантику глагола (ср. [3]): *игла* — 'то, что колет', *молоток* — 'то, что забивает гвозди', *нож* — 'то, что ре-

* Понятно, что агентивность в данном случае понимается очень условно, т. к. существует реальный деятель — человек, и именно он в действительности совершает действия, имея все эти предметы лишь в качестве инструментов. Между тем, если говорить не о ситуации резания, пиления и т. д., вообще, а о толковании данных конкретных предметных лексем (нож, пила, ...) — здесь агентивная функция этих предметов ставится как бы главнее функции человека (ср. естественные в языке метонимические переносы типа *нож режет, игла шьет*...). Человеку же в такой интерпретации ситуация — сделанной как бы с точки зрения инструмента, отводится совершенно другая роль, а именно, роль некоторого заинтересованного в осуществлении данного действия лица: *острый* — 'режущий легко для человека, с минимальными усилиями со стороны человека'.

жет' и под. Круг прилагательных, которые описывают эти предметные имена, тоже составляют имена, так сказать, агентивных признаков: они характеризуют потенциальную успешность того рода действия, которое выполняется с помощью этого инструмента: *острый* ~ 'такой, что если режет или колет, то хорошо [т. е. быстро, легко, ровно...]', *звонкий (колокольчик)* ~ 'если звенит, то хорошо слышно'...*

Объекты, которые описывают «пациентные» имена, имеют неагентивные роли в стандартной для себя ситуации использования. *Дверь* — то, что открывают и закрывают, *пол* — то, по чему ходят, *дом* — то, где живут и т. д. Как мы видели, имеется особый класс прилагательных, которые учитывают специфику семантики таких имен. Сочетание *острая дверь* может быть проинтерпретировано с большим трудом (в очень сильном прагматическом контексте): в нормальной ситуации дверь ничего не режет, она сама подвергается физическому воздействию, и при этом принципиально другого рода.

4. В языке, однако, могут возникать своеобразные «семантические коллизии», не предусмотренные сформулированным выше правилом. Это становится возможным потому, что далеко не все существительные имеют жесткую семантическую структуру и при этом однозначно полярную — агентивную или пациентную.

Камень, например, — такая вещь, которая не имеет строго определенной функции. Камень может быть *острый* — это значит, что этот камень может что-то разрезать или проткнуть. Стол не бывает острым — по тем же причинам, что и дверь, ср. *острый стол*, но при этом сочетание *острый край стола* возможно — *край* также не имеет строго определенной функции, хотя роль его, скорее, пациентна: *острый край* — это такой, например, о который можно обрезать. Еще труднее применять простые семантические правила к именным группам типа *острый локоть* или *острый нос*. В таких случаях доминирующей оказывается идея формы (в сущности, вторичная для функционального *острый*).

То же происходит и с прилагательным *крепкий*: оно может иметь в качестве зависимого имени названия некоторых веществ — *крепкий чай (духи, водка, бульон*

и некоторые другие, ср. также *крепкий мороз*). Семантически эта группа необычна для *крепкий*: соответствующие объекты — имена веществ — не подвергаются деформации в процессе использования и не состоят из частей. Тем самым, стандартная функциональная интерпретация становится здесь невозможной. С лексикографической точки зрения, мы имеем дело с двумя разными значениями слова *крепкий**; это второе значение (~ 'имеющий высокую степень плотности/интенсивности') порождается именно сменой области сочетаемости прилагательного. Ср. аналогичное противопоставление для наречия *крепко*: *крепко прибил, приклеил VS крепко надеялся*; различие здесь тоже определяется семантическим типом предиката, попадающего в сферу действия наречия.

В этом отношении чисто оценочные прилагательные группы *хороший*, выбранные в свое время для анализа З. Вендлером, очевидным образом, представляют исключение — они в принципе не обладают избирательностью по отношению к именам, их собственная семантика настолько широка и нейтральна, что они способны сочетаться с абсолютно любыми существительными, вбирая в себя полностью не только их функциональную семантику, но и прагматику контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vendler Z. The grammar of goodness // Z. Vendler. Linguistics in philosophy. — N. Y., 1967 [Русск. пер. — Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1981. — Вып. X].
2. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». — М., 1974.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М., 1974.
4. Рахилина Е. В. Предметные имена и имена предикатов // НТИ. Сер. 2. — 1991. — № 5.
5. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. — Ann Arbor, 1985.

Материал поступил в редакцию 14.06.91.

* Мы намеренно отвлекаемся в данной работе от интересных семантических подробностей толкования как имен, так и прилагательных — речь идет, конечно, об очень грубых с семантической точки зрения схемах.

* Конечно, за этими разными значениями, возможно, стоит некоторый семантический инвариант, но поиск этого инварианта и объяснение механизма возникновения подобных модификаций значения представляет собой отдельную задачу.